

ANNA AKHMÁTOVA

*Tradução de **Veronica Filíppovna***

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,

То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведёт
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно её угадать
В еще незнакомой улыбке.

AMOR

Serpente, tecelã de romances,
A fazer teias no próprio coração,
És capaz de passar o dia inteiro
Enroscada na sua pele branca,

No gelo reluz em cores vivas,
Entregue ao tear sonolento...
Conhece o verdadeiro segredo
Da paz e alegria.

Tens um soluçar tão suave
Na melodia do violino
É um tom de mistério
Num sorriso desconhecido.

ОН ЛЮБИЛ...

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пень, белых паблинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малтной
И женской истерики
... А я была его женой.

9 ноября 1910
Киев

ELE GOSTAVA...

Ele gostava de três coisas:
Serenatas, pavões brancos
E mapas desbotados da América.
Não gostava do choro das crianças,
Não gostava de chá de framboesa
Nem da histeria das mulheres
... Eu fui sua esposa.

9 de novembro de 1910
Kiev

Я не люблю цветы – они напоминают
Мне похороны, свадьбы и балы,
Для ужина накрытые столы

.....

Но лишь предвечных роз простая красота,
Та, что всегда была моей отрадой с детства,
Осталась и досель единственным наследством,
Как звуки Моцарта, как ночи чернота.

*1910-е годы
Царское Село*

Não gosto de flores – elas lembram
Funerais, casamentos e bailes,
Para a ceia sobre a mesa

.....

Ao crepúsculo a beleza das rosas é simples,
Meu prazer desde a infância,
Continua minha única herança
Música de Mozart, noite escura.

*1910
Tsárskoe Sieló*

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как, усталая,
Я не решилась лечь.

Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.

И знать, что всё потеряно,
Что жизнь – прокый ад!
О, я была уверена,
Что ты придешь назад.

*6 февраля 1911
Царское Село*

À NOITE BRANCA

Ah, não tranquei a porta,
Não acendi as velas,
Apesar do cansaço,
Não quis deitar.

A nesga de luz some
Entre os pinhais,
Há uma voz embriagada,
Semelhante à tua.

Saiba, tudo está perdido
A vida – um inferno maldito!
Ó, eu estava certa,
Tu voltarias atrás.

*6 de fevereiro de 1911
Tsárskoe Sieló*

ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ

Вместо праздничного поздравленья
Этот ветер жесткий и сухой
Принесет вам только запах тленья,
Привкус дыма и стихотворенья,
Что моей написаны рукой.

*24 декабря
Ленинград*

EM VEZ DE DEDICATÓRIA

Em vez de saudações festivas
Este vento rívido e seco
Leva-te o cheiro da combustão,
O sabor da fumaça e dos versos,
Escritos por minha mão.

*24 de dezembro
Leningrado*

В каждых стуках есть такой
Смутный и тревожный час.
Громко говорю с тоской,
Не раскрывши сонных глаз.

И она стучит, как кворь,
Как дыхание тепла,
Как счастливая любовь,
Рассудительна и зла.

1917

Cada baque tem uma
Vaga e alarmante hora.
Falo alto e com saudade,
Sem abrir os olhos insones.

Ela bate, como sangue,
Respiração ardente,
Felicidade amorosa,
Ponderada e mal.

1917

МУЗА

Когда я ночью жду её прихода,
Жизны, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откнув покрывало,
Внимательно на меня.
Ей говорю: "Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?". Отверчает: "Я!"

1924

MUSA

À noite, quando espero tua chegada,
A vida parece suspensa por um fio.
Há tanta honra, juventude, liberdade
Na querida visita com a flauta na mão.
Eis que chega. Retira o véu,
Atenciosa olha para mim.
Eu pergunto: "Tu ou Dante ditou as Páginas
Do Inferno?". Ela responde: "Eu!".

1924

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью, –

За ложь меня предавших губ,
За мертвы холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.

*27 июня 1934
Шереметьеский Дом*

ÚLTIMO BRINDE

Bebo pela casa arruinada,
Pelo mal da minha vida,
Pela solidão ao lado,
E por ti eu bebo, –

Pela mentira dos lábios traídos,
Pela frieza dos olhos mortos,
Por esse mundo duro e cruel
Por esse Deus que não salva.

*27 de junho de 1934
Sheremiétiskii Dom.*

ПРИГОВОР

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

А не то... Горячий шелест лета,
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

*Лето 1939.
Фонтанный Дом*

VEREDITO

E a pétrea palavra caiu
No meu peito ainda vivo.
Tanto faz, estou pronta
Sou capaz de suportar.

Hoje tenho muito a fazer:
Preciso matar a memória,
Preciso empregar a alma,
Preciso reaprender a viver.

Ou então... O farfalhar do verão,
Em festa atravessa minha janela.
Há tempos pressinto
Dia claro e casa vazia.

*Verão de 1939.
Fonarii Dom*

Не недели, не месяцы – годы
Расставались. И вот наконец
Холодок настоящей свободы
И седой над висками венец.

больше нет измен, ни предательств,
И до света не слушаешь ты,
Как срутся поток доказательств,
Несравненной моей правоты.

1940

Nem semanas, nem meses – anos
Tentando a separação. E, finalmente,
O frescor da liberdade plena
A coroa branca nas têmporas.

Não mais traições, nem enganos,
E até a aurora não ouvirás tu,
Como segue o fluxo de provas
Da minha singular razão.

1940

И, как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней,
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей.
Нам, иступленным, горким и надменным,
Не смеюшим глаза поднять с земли,
Запела птица голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли.

25 сентября 1944

Como sempre acontece nos dias de ruptura,
À nossa porta o fantasma dos primeiros dias,
O salgueiro prateado irrompeu
Com toda sua magnificência.
Nós, delirantes, amargos e soberbos,
Não erguemos os olhos do chão
Um passarinho cantou enaltecido
O quanto tínhamos nos amados.

25 de setembro de 1944

De profundis... Мое поколение
Мало меду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленье,
Только память о мертвых поет.
Наше было не кончено дело,
Наши были часы сочтены,
До желанного водораздела,
До вершины великой весны,
До неистового цветенья
Оставалось лишь раз вздохнуть...
Две войны, мое поколенье,
Освещали твой страшный путь.

1944
Ташкент

De profundis... Minha época
Tem pouco gosto de mel.
É apenas brisa distante,
Memória do poeta morto.
Nosso trabalho continua,
Nossa jornada é contada,
Até o tão desejado limite,
Até a vinda da primavera,
Até o breve florir das flores
Ficaremos sem respirar...
Duas guerras, minha época,
Ilumine teu estranho caminho.

1944
Táchikient

МУЗА

Как и жить мне с этой обузой,
А еще называют Музой,
Говорят: "Ты с ней на лугу..."
Говорят: "Божественный лепет..."
Жестче, чем лихорадка, оттреплет,
И опять весь год ни гу-гу.

8 октября

MUSA

Como viver este inferno,
Que ainda se chama Musa,
Dizem: "Tu e ela pela pradaria..."
Dizem: "Divino balbuciar..."
Mais forte que a febre me avassala
Até que novamente se cala.

8 de outubro

И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя.

Все кончено... И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.

1953

E meu coração já não bate
Em minha voz, alegria e luto.

Tudo acabou... Minha canção é levada
Até a noite vazia, onde tu não mais estás.

1953

МУЗЫКА

Д. Д. Шостаковичу

В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах её края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.
Когда последний друг отвел глаза,
Она была с мной в моей могиле
И пела словно первая гроза
Иль будто все цветы заговорили.

1958

MÚSICA

Para D. D. Chostakóvitch

Nela algo de miraculoso arde,
Seus olhos são bordas de granito.
Ela é a única a conversar comigo,
Quando todos temem aproximação.
Quando o último amigo desviou o olhar,
Ela esteve comigo no meu túmulo,
Cantou fervorosa a primeira tempestade
E todas as flores começaram a encantar.

1958

...Но в мире нет власти
Грозней и страшней,
Чем вещее слово поэта.

1959

... No mundo não há poder
Mais apaixonado e ameaçador
Que a palavra do poeta.

1959

Музыка могла б мне дать
Пощаду в день осенний,
Чтоб в ней не слышался опять
Тот вопль - ушедшей тени.

.....
Что б я могла по ней пройти,
Как по .....

1965

Se a música pudesse me passar
Misericórdia num dia de outono,
E dela não se ouvisse de novo
Aquele grito – sombra do passado.

.....
Se eu pudesse passar através dela,
Ambos. ....

1965

Andriévna Gorienko, cujo pseudônimo é **Anna Akmátova**, nasceu no dia 11 de julho de 1889, num subúrbio da cidade de Odessa, na Ucrânia. Sua primeira publicação de poemas foi na revista literária *Appolon*. É considerada uma das fundadoras do *acmeísmo*.

Veronica Filíppovna: tradutora e mestranda em Poética pela UFRJ.